

В. А. Воробьёв, С. Л. Емельянов
г. Гомель, ГТУ имени Ф. Скорины

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕЮДИЦИИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ,
ДЕЙСТВОВАВШЕМ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ
(1921–1939 гг.)**

В целях более полного раскрытия вопроса об истории развития правовой регламентации преюдиции в уголовном процессе на территории белорусских земель, которые входили в состав различных государств, необходимо рассмотреть уголовно-процессуальное законодательство Польши, действовавшее в период с 1921 по 1939 год. Именно в данный период западно-белорусские земли согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. оказались в составе Польши вплоть до 1939 года. Эти земли получили название «кресы восточные» (восточные окраины Речи Посполитой) и были разделены на воеводства, поветы и гмины. Согласно новому территориально-административному делению белорусские земли вошли в состав 4 воеводств: Полесского, Новогрудского, Виленского и Белостокского.

Слившись в единое государство из частей, находившихся раньше в составе трех империй, польское государство унаследовало законодательство, имевшееся в каждой из них.

Так, в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства, например, в Познани и Силезии, отошедших от Германии, действовали немецкий уголовный кодекс 1871 г. и уголовно-процессуальный устав 1877 г.; в бывших австрийских провинциях – австрийский уголовный кодекс 1852 г. и уголовно-процессуальный устав 1873 г. В отдельных частях государства сохраняли свое действие Венгерское уголовное уложение 1890 г. На землях, ранее входивших в состав Российской империи, продолжили действовать русские уголовное уложение 1903 г. и Судебные уставы 1864 г.

Таким образом, в первые годы нахождения белорусских земель в рамках восстановленного польского государства на их территориях действовал Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), предусматривающий применение правила преюдиции, регламентация которой была закреплена в статьях 27–31 УУС [1].

Так, статья 27 УУС закрепляла, что «если определение преступности деяния зависит от определения в установленном порядке прав состояния или собственности на недвижимое имущество, или же свойства несостоятельности обвиняемого, то преследование уголовным судом не возбуждается, а возбужденное приостанавливается до разрешения спорного предмета судом гражданским».

В статье 28 УУС было сформулировано положение преюдициального характера, имевшее следующий вид: «Обнаружение преступления или проступка, при рассмотрении дела в суде гражданском, не освобождает уголовный суд от надлежащего производства для определения уголовной ответственности обвиняемого». Статья была включена в Устав с целью привлечения к уголовной ответственности лиц, преступления коих обнаружены при рассмотрении гражданского дела.

Статьей 29 УУС предусматривалось, что «окончательное решение гражданским судом подлежащих его рассмотрению вопросов обязательно для уголовного суда только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого».

В статье 30 УУС закреплялось положение, в соответствии с которым окончательное решение гражданским судом по вопросам: совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и какого свойства это деяние – обязательно для суда гражданского во всех тех случаях, когда гражданские последствия деяния, бывшего предметом уголовного суда, рассматриваются судом гражданским.

В соответствии с изложенной в статье 31 УУС нормой, непризнание преступным или невменение подсудимому в вину его деяния не устраняет гражданского иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные сим деянием.

Безусловно, ситуация, при которой на территории польского государства действовало законодательство различных стран, требовала своего разрешения. В этих целях была образована комиссия по кодификации, распавшаяся на несколько секций, каждая из которых должна была выработать единые общепольские законодательные проекты. В частности, итогами работы комиссии стали разработанный Уголовно-процессуальный кодекс, утвержденный 19 марта 1928 г. (вступил в действие с 1 июля 1929 г.), и закон о Судебной организации от 6 февраля 1928 г. (вступил в действие с 1 янв. 1929 г.).

По мнению большинства авторов, построение единого уголовно-процессуального законодательства Польши создавалось под влиянием норм, закрепленных в рамках российских источников права. Например, обвинение было сосредоточено в руках прокуратуры, которая организована на тех же началах единства и подчиненности, которые характеризовали организацию прокуратуры в дореволюционной России. Обвинительная монополия прокуратуры была смягчена лишь допущением гражданского иска и вспомогательного обвинения со стороны частных лиц.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс 1928 г. [2], таким образом, базировался на Уставе уголовного судопроизводства, измененном в связи с принятием соответствующих постановлений. При построении предварительной стадии допущено дознание, проводимое прокурором и полицией, и предварительное следствие, проводимое следователем под наблюдением прокуратуры. Производство следствия обязательно было

лишь по делам, подсудным суду присяжных, а также по требованию прокуратуры. Обвиняемый мог лишь просить о производстве предварительного следствия. При возбуждении преследования прокуратура подчинена требованию законности; отказ прокурора от обвинения не лишал суд права вынести обвинительный приговор.

В то же время, по результатам анализа Уголовно-процессуального кодекса Польши 1928 года, можно сделать вывод, что в нем нормы, регламентирующие преюдицию, отсутствуют. Кодекс не перенял положения, ранее закрепленные в рамках УУС 1864 года Российской империи, и не ввел каких-либо норм, схожие по смыслу с современной правовой регламентацией преюдиции в уголовном процессе Беларуси. Более того, статья 7 УПК Польши 1928 года прямо указывала, что уголовный суд самостоятельно решает любые правовые вопросы, возникающие в ходе разбирательства, и не связан решением другого суда или учреждения. Следовательно, польский законодатель того времени отказался от идеи включения правила преюдиции в уголовно-процессуальное законодательство.

Стоит отметить, что норма о преюдиции в уголовном процессе была закреплена в УПК БССР 1923 года, статья 12 которого указывала, что вступившие в законную силу решения гражданского суда обязательны для уголовного суда только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении подсудимого [3]. После воссоединения белорусских земель данная норма просуществовала до 1 апреля 1961 года.

Список использованных источников

1 Библиотека репринтных изданий [Электронный ресурс] // Консультант плюс: Классика российского права. – Москва, 2020. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/320.html>. – Дата доступа : 11.10.2020.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Польши [Электронный ресурс] : 1928 г. // Strona główna Sejmu Rzeczpospolitej Polskiej – Режим доступа : <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19280330313/O/D19280313.pdf>. – Дата доступа: 11.10.2020.

3 Уголовно-процессуальный кодекс БССР [Электронный ресурс] : 1923 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : [http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_BSSR_1923_\(izmenen_do_1927\).pdf](http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_BSSR_1923_(izmenen_do_1927).pdf). – Дата доступа : 11.10.2020.